

На следующий день Мао Сяофэй поднялся ни свет ни заря. Стоило ему зашевелиться, как Фу Дун мигом сел на постели. Надув круглые щечки, малец заворуженно наблюдал, как новый опекун вносит в комнату воду для умывания.

Когда Сяофэй бережно отер его лицо влажной тканью, мальчишка подозрительно прослезился.

Мао Сяофэй прекрасно понимал, что творится в душе сироты. Будь он сам в том возрасте, когда еще ничего не смыслишь в жизни, встретить он тогда человека, готового подарить ему хоть каплю тепла, — верно, душу бы продал, не то что жизнь отдал.

Притворившись, будто ничего не заметил, Сяофэй привел ребенка в порядок. Тут же обнаружилась новая, весьма досадная трудность: Фу Дун был слишком мал. Одежда Сяофэя сидела на нем нелепым мешком — мальчишка путался в широких штанинах и то и дело валился с ног.

— Не смей слезать, сиди на постели, — строго наказал Сяофэй.

Весь день он заставлял Фу Дуна и есть, и играть прямо на кровати. Крошечная деревянная хибарка была настолько тесной, что стол да кровать занимали почти все пространство — развернуться негде. Благо прямо у изголовья имелось довольно просторное окно.

— Фу Дун!

Мальчишка, который, выпятив круглую попку, как раз вознамерился сползти на пол, застыл, пойманный с поличным. С обиженным видом он завозился и неохотно уполз обратно в угол. Устроившись у подоконника, он принялся наблюдать через щелку за Мао Сяофэем, который возился во дворе с курами. Фу Дун с живым интересом наблюдал за ним. Подперев пухлые щеки кулачками, он с упоением приник к раме, наполовину спрятав лицо, и заворуженно подглядывал оттуда за своим названным отцом.

Разжав клюв одной из птиц, Сяофэй обнаружил, что кончик ее языка побелел, а в гортани скопилась вязкая желтоватая слизь. Вся эта семерка уже не первый день ходила сонной и вялой.

Мао Сяофэй поймал другую птицу и осмотрел ее клюв — картина оказалась той же. Фазаны, которые от природы должны быть пугливыми и дикими, даже не пытались вырваться. Они безвольно обвисали в его руках, позволяя делать с собой все что угодно.

Озадаченный, он собрал из гнезд шесть свежих яиц. Чтобы навести порядок, Мао Сяофэй соорудил для каждой птицы отдельный насест, а к лапкам привязал бумажные бирки с номерами. Кладку от здоровых, бойких несушек он складывал в один короб, а в другой, сколоченный из реек ящичек, убирал яйца приболевших птиц. Внешне скорлупа выглядела совершенно одинаково.

Ничего не придумав, он решил пока выбросить это из головы и наведаться на армейскую кухню — вдруг среди кашеваров найдется знаток птицеводства. Сам-то Сяофэй раньше разводил обычных домашних кур, но вот с дикими горными породами дела никогда не имел, да и хвороба его птичники всегда обходила стороной. Случись такое в городе Шаннань, заболевших кур посчитали бы дурным знаком, и тогда путь в приличные рестораны или богатые усадьбы ему был бы заказан навсегда.

Вернувшись в хижину, Сяофэй застал Фу Дуна в весьма плачевном состоянии: бедняга сидел, отчаянно прижимая к груди одеяло, он весь горел, на лбу выступила испарина, а сам он изо всех сил кусал губы.

— Что с тобой? — забеспокоился Сяофэй.

Мальчишка едва не плакал от стыда:

— Приспичило... невтерпеж!

Сяофэй ведь сам велел ему не вылезать из постели, поскольку мальцу нечего было надеть. Кто же знал, что ребенок окажется настолько послушным — терпел изо всех сил, не издав ни звука. Сяофэй не знал, плакать ему или смеяться. Он бережно подхватил легкое тельце, выудил из-под кровати ночную вазу и помог малому справиться нужду.

Облегчившись, Фу Дун густо покраснел, спрятал пылающее лицо под одеялом и вскоре, утомленный переживаниями, крепко уснул.

Мао Сяофэй заботливо подоткнул ему одеяло со всех сторон и поспешил на поварскую половину лагеря.

Пока он шел мимо палаток, солдаты, занятые чисткой и резкой овощей, то и дело провожали его любопытными взглядами. Слава о Мао Сяофэе уже гремела по всему лагерю. Когда враги похитили молодого генерала, офицеры не на шутку струхнули: Му Цаньшан принадлежал к влиятельному клану Му, и случись с ним беда, головы полетели бы у многих. К тому же племена варваров не знали пощады, грабя и убивая всех на своем пути. Возвращение командира целым и невредимым принесло лагерю огромное облегчение, а сам он стяжал славу бесстрашного воина, в одиночку совершившего дерзкую вылазку в самое логово врага. Простым ратникам от чужих орденов и повышений пользы не было никакой, однако в этой тоскливой глуши, где даже воевать не с кем, солдаты от скуки готовы были перемывать косточки любому, стоило лишь появиться хоть какому-то слуху.

Ходили даже слухи, будто Мао Сяофэй — мастер боевых искусств, искусно скрывающий свой истинный лик. Из-за этих толков даже коварный помощник генерала Лю поостерегся открыто строить ему козни.

Впрочем, когда Сяофэя в конце концов приставили к курятникам, так и не приблизив к особе

генерала, интерес поутих — под луной нет ничего вечного. Служивые быстро переключили внимание на знатного господина, прибывшего в лагерь засвидетельствовать почтение Му Цаньшаню. Гость этот, статный и благообразный, казался сошедшим с небес бессмертным. Имени его никто не знал, но важный чин угадывался сразу. В первую же ночь они с молодым генералом до рассвета вели тайные беседы при свечах. Весь лагерь ломал голову: кто этот загадочный праведник и какие вести он принес?

Самому Сяофэю из-за забот с найденышем было не до лагерных басен. К тому же с первого дня его здесь невзлюбили и всячески сторонились. Сюй Ци по натуре не любил чесать языком, а трусливый Сюй Цю попросту боялся раскрыть рот.

Ловя на себе любопытные взгляды, Мао Сяофэй лишь ухмылялся про себя, прикидывая, не прибавилось ли в его облике молодецкой стати, и картинно поправил выбившиеся пряди.

На невысокой скамье, широко расставив ноги, сидел рослый детина. Он заметно возвышался над кухонной челядью, перебиравшей крупу и овощи. Крепкий, ладно скроенный, он щеголял распахнутым воротом, из-под которого бугрились литые мышцы густого бронзового загара.

— Где ваш старший? — спросил Мао Сяофэй, хотя сам уже за приметил детину, ловко сдиравшего шкуру с жирного кролика.

С тех пор как Сяофэй попал в этот лагерь, он и капли жира в похлебке не видел, а тут — дичь! Тот, кому доверили разделять столь лакомый кусок, явно пользовался среди кашеваров особым почетом.

Детина, как раз поливавший тушку водой, на мгновение замер.

Другой малец, усердно скребший ножом картофелину, опасливо покосился в его сторону.

Сяофэй уловил витающую в воздухе настороженность. Поняв, что его принимают за недоброжелателя, он хмыкнул и бесцеремонно выхватил у картофельного чистильщика нож и очередной корнеплод. Лезвие послушно порхнуло в его пальцах, блеснув серебром, и уже через миг идеально гладкая картофелина полетела в таз. Усевшись на корточки, Сяофэй принялся усердно помогать поварам, не забывая болтать:

— Скрывать не буду, у меня к вашему главному серьезный разговор. Если сладим дело — все в накладе не останутся.

Кухонный вожак, продолжая потрошить кролика, наострил уши, хотя он не изменился в лице.

Получив незаметный кивок от старшего, обобранный поваренок несмело зыркнул на гостя и спросил довольно громко:

— И что за выгода?

— Тебе знать не положено, не по плечу ноша, — туманно отозвался Мао Сяофэй. — Сам ведь знаешь, как близко к сердцу молодой генерал принимает дело с царским птичником.

Больше он не проронил ни слова.

Стоило прозвучать этим словам, как тушка кролика с глухим шлепком полетела в чан. Дитина выпрямился, властным жестом подозвал помощника занять его место и принялся неторопливо вытирать окровавленные ладони о грязную тряпицу. Сделав несколько шагов к гостю, он навис над ним грозной тенью.

Кивнув на Мао Сяофэя, он глухо спросил:

— Меня, что ли, высматриваешь?

— Так вы и есть здешний заправила? — Мао Сяофэй, хоть и зрил корень с самого начала, разыграл искреннее почтение. Он посмотрел с восхищением, а голос зазвучал куда мягче.

— Громко сказано. Мне до простого пятидесятника как до луны пешком, — самокритично хмыкнул верзила. Густая щетина делала его лицо суровым и диковатым.

— Прямо здесь говорить станем? — Мао Сяофэй выразительно обвел глазами шумящую кухню.

Великан молча взвесил его взглядом, после чего махнул рукой:

— Мы с парнями в одном шатре ютимся. До обеда тут все равно дым коромыслом — кормим всю прорву ртов. Ладно, пошли.

В шатре царила тишина, нарушаемая лишь густым, дразнящим ароматом готовой снеди. Мао Сяофэй, впрочем, прикинулся сытым и равнодушным. Он чинно проследовал за вожаком и, дождавшись, пока тот усядется и сделает приглашающий жест, после притворных церемоний опустился на табурет напротив.

— Есть тут у меня слеза драконья. Горло промочишь?

Великан извлек объемистый кожаный бурдюк с серебряным горлышком — размером с добрую мужскую руку. Мао Сяофэю еще не доводилось встречать столь исполинских сосудов.

Кашевар слегка прищурился, изучая гостя. В этой глуши кухонная обслуга насчитывала больше сотни душ, и человек, заправлявший котлами всей армии, обладал весом куда большим,

чем какой-нибудь мелкий сотник.

Мао Сяофэй лихо перехватил бурдюк и знатно приложился к горлышку. Пил он редко, а хмель оказался ядреным пограничным суслом из Цинси. Огненная лава обожгла нутро; Сяофэй зашелся сухим, надсадным кашлем и прослезился.

Здоровяк раскатисто расхохотался. Он бесцеремонно отобрал бурдюк, закинул голову и принялся жадно глотать, пока кожаный мешок заметно не сдулся. Шумно выдохнув, он вытер губы широкой ладонью и уставился на Сяофэя повеселевшим взглядом:

— А ты забавный малый! Бао Юй, — детина ткнул себя ручищей в грудь, лихо вздернув разбойничью бровь.

— Мао Сяофэй. Есть к тебе разговор, старший брат, — Сяофэй небрежно запустил руку за пазуху и извлек тяжелый золотой слиток. Мягкий блеск золота мгновенно приковал к себе взгляд Бао Юя.

— Это не просто плата. Если провернем задуманное, честно разделим куш пополам.

— К чему сразу золотом сорить? Мы ведь люди честные, сочтемся, — Бао Юй прищурился, пытаясь разгадать игру собеседника.

— Негоже мне твоих людей задарма сманивать, — хмыкнул Мао Сяофэй. — Пока я латал раны, кто-то ведь ходил за моими курами? Вот этих умельцев мне и отдай. Да и вообще, наверняка среди твоей оравы найдутся те, кто понимает в птице. Много не требую, четырех человек хватит за глаза. Покуда стадо малое, управимся, а как дело в гору пойдет — еще разок к тебе на поклон приду.

—хлопотное это дело. Бесплатных пирогов не бывает, — проворчал Бао Юй.

— Будущие хлопоты сочтем особо. А этот слиток — плата за нынешних расторопных малых, — Мао Сяофэй уверенным жестом толкнул золото к Бао Юю. — Бери, старший брат, не брезгуй.

Бао Юй усмехнулся. Он прижал к ладони тяжелый, манящий золотом брусок. Покрутив его перед глазами, он вдруг резко сжал пальцы. Чистое золото податливо; под чудовищным давлением казенный слиток смялся, пошел трещинами и с тихим хрустом разломился надвое. Одну половинку Бао Юй швырнул обратно Мао Сяофэю.

— Люблю иметь дело с теми, кто понимает правила игры, — Бао Юй поднялся во весь свой исполинский рост, заставив Сяофэя почувствовать себя жалким заморышем.

Мао Сяофэй тоже встал, расплываясь в довольной улыбке:

— Твое покровительство для меня — щит надежный. Будет у меня прибыль — и тебе доля первая достанется.

Закончив с делами, Мао Сяофэй поплелся к выходу, едва не падая от размашистых дружеских похлопываний великана по плечу.

В расположении новобранцев царило безлюдье. Мао Сяофэй вернулся в свою палатку прибрать нехитрые пожитки. Немного подумав, он решил не оставлять записок Сюй Ци и Сюй Цю — да и писать-то было нечем. Проще вернуться на закате и лично объявить парням, что он перебирается поближе к птичнику.

Когда он вернулся к себе, Фу Дун все еще безмятежно спал. Сяофэй едва успел сделать пару глотков воды, как на пороге вырос посыльный и буркнул, что его зовут в главный шатер.

На сей раз за ним прислали не Чжоу Цзи. Проводник попался угрюмый и нелюдимый: шел молча, уставившись под ноги. Сяофэй попытался было разговорить его, но, натолкнувшись на глухую стену молчания, плюнул на это дело.

Возле генеральского шатра не оказалось ни души. Куда-то подевались даже вечные стражники у входа.

Мао Сяофэй недоуменно нахмурился.

— Генерал тебя давно ждет. Чего встал, заходи давай, — проводник грубо пихнул его в спину.

От такого толчка Мао Сяофэй пошатнулся, и он едва не влетел в шатер кубарем. Кое-как удержавшись на ногах, он сердито отряхнул засаленный подол и шагнул внутрь.

К его удивлению, внутри царило полное безмолвие — ни души. Мао Сяофэй нахмурился: «Неужто в отхожую яму ушел?» Он отодвинул край занавеса, но конвоира и след простыл.

Почуввав неладное, Сяофэй осторожно прокрался вглубь шатра. Письменный стол сверкал чистотой. Он подошел ближе и осторожно коснулся кончиков кистей, висевших на подставке — волоски оказались сухими как порох. Сегодня за этот стол никто не садился.

В голове Мао Сяофэя набатом взвыли тревожные колокола. Осознав, что запахло жареным, он развернулся на пятках и сломя голову бросился к выходу. У самого порога он с разбегу лоб в лоб врезался в вошедшего человека. Столкновение вышло сокрушительным: искры из глаз посыпались, а острая боль в переносице едва не лишила его чувств.

Над ухом раздался холодный, властный голос, от которого у Сяофэя закружилась голова:

— Ты что здесь делаешь? Разве тебе не известно, что в ставку без приказа соваться запрещено?

Перед ним стоял Му Цаньшан. И лицо молодого генерала не предвещало ничего хорошего.

<http://bllate.org/book/18429/1862596>